

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

РЕЖИМНЫЙ АПОКАЛИПСИС

ЭКСМО

Вулканический апокалипсис

Евгений Сухов

Режимный апокалипсис

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Режимный апокалипсис / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2014 — (Вулканический апокалипсис)

Юрьевская колония строгого режима в одно мгновение лишилась статуса самого охраняемого исправительного учреждения, когда из нее совершили побег трое рецидивистов. В Управлении ФСИН разразился скандал. Сначала руководство колонии обвинили в халатности, потом – в превышении служебных полномочий, а вскоре появились невероятные слухи о том, что побег был санкционирован самим начальником исправительного учреждения. Из Москвы в колонию срочно вылетает подполковник Следственного комитета Афанасий Покровский. Ему приказано на месте разобраться в ситуации и организовать поимку беглецов...

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог. Инаугурация, или Тайна желтого пакета	5
Часть I. Астероид-призрак	12
Глава 1. Побег, или Обувь, спички и курево	12
Глава 2. Вино «Бароло Каннаби», или Самолет на Камчатку	15
Глава 3. Интеллектуальное сооружение, или Здесь был лагерь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Сухов

Режимный апокалипсис

Пролог. Инаугурация, или Тайна желтого пакета

19 июля, Кремль

Церемонию вступления в должность президента широко транслировали по всем каналам связи, но вот передача «ядерного чемоданчика», кейса средних размеров из титановых сплавов, – дело кулуарное, и состоялась она в этот же день безо всякой публичной помпы в кабинете президента.

Вместе с уже бывшим президентом, высоким крепким мужчиной с седеющей головой, вошли два человека. Оба – офицеры войск связи, как давно уже заведено. Человек, державший в правой руке чемоданчик, был в форме офицера Военно-морского флота – тоже одно из незыблемых правил, выработанное за многие десятилетия. Второй, одетый в темно-серый добротный костюм из мягкой шерсти, держал в руке сумку «Агат» – радиостанцию оперативной связи.

– Уф-ф! Сбросил! Теперь это твое бремя, владей! – по-простому произнес бывший президент. – А у меня на одну головную боль стало меньше. Что тебе пожелать... – На секунду он задумался, а потом твердым голосом проговорил: – Желая никогда не воспользоваться этой штукой!

В этот момент новый президент внимательно прислушался к себе, надеясь отыскать какие-то перемены в собственном сознании. Однако ничего не обнаружил. Навалившаяся на него после завершения инаугурации усталость перекрыла все остальные чувства. С той самой минуты, как он сделался полноправным хозяином «ядерного чемоданчика», можно считать, что президент всецело вступил в должность.

Еще через несколько минут после ухода бывшего президента в дверь коротко постучали, и в кабинет вошел помощник Игорь Головлев (атлетически сложенный мужчина лет пятидесяти, без единого седого волоса в густой шевелюре), доставшийся ему от бывшего хозяина Кремля вместе с рабочим кабинетом и окружавшей обстановкой. Отправлять его в отставку президент не спешил – тот весьма проворно справлялся со своими обязанностями при прежнем президенте, авось не подкачает и при нынешнем. И потом, Головлев как никто другой был посвящен во многие секреты, связанные с властью, и его помощь, во всяком случае на первых порах, будет необходима.

А там поглядим...

Поздравив с вступлением в должность, помощник положил на стол объемный желтый пакет, скрепленный сургучовыми печатями.

– Что здесь, Игорь Петрович? – удивленно спросил президент.

– Мне не положено знать о таких вещах, – серьезно ответил Головлев. – Папка вместе с «ядерным чемоданчиком» передается хозяину этого кабинета.

– Хм-м, – протянул президент, – что-то я не слышал о таком правиле.

– Прежде вы не были президентом, – попытался скрыть улыбку помощник, – и о многом могли просто не слышать, такие вещи содержат высочайшую государственную тайну.

Президент внимательно посмотрел на Головлева. Никакой робости, какая непременно должна присутствовать при общении с высшим должностным лицом. Похоже, что общение с бывшим лидером страны его невероятно закалило.

– Все так... Понимаю, что вы не можете знать содержания этой папки. Но, может быть, вы введены в курс дела хотя бы в общих чертах?

– Разве что только в общих... В этих документах рассказывается о немецкой ядерной программе во время Второй мировой войны. Здесь переписка ведущих ученых, расчеты, вычисления... Сообщения и доклады Гитлеру. Но это всего лишь небольшая часть из того, что удалось обнаружить после разгрома Германии. Значительная часть материалов по ядерной программе осталась у американцев. Они целенаправленно выявляли ученых, работавших над ядерными проектами.

– Я в курсе, – сказал президент. – Но этот материал давно потерял свою актуальность, сейчас он представляет лишь исторический интерес. После атомной бомбы была изобретена водородная, потом нейтронная и еще масса всего того, что может уничтожить человечество в течение короткого времени.

После напряженного дня ему хотелось отдохнуть. Кто бы мог подумать, что день окажется настолько хлопотным.

– Но это еще не все, – не желал замечать усталости президент помощник. Неужели общение с первыми людьми государства сделало его столь толстокожим? Опытные помощники сразу чувствуют, когда глава государства устал и желает побыть в одиночестве. Люди, лишённые такого чутья, обычно в Кремле не задерживаются. – В этой папке материалы о том, что в конце войны немцы передали своему союзнику, милитаристской Японии, образцы авиационного и ракетного оружия. Вам лучше посмотреть самому... – неожиданно он умолк, будто бы спохватившись.

Длительная служба в Кремле способствует мудрости – промолчать о том, что хорошо известно. Президент уже более не сомневался в том, что именно Головлев укладывал бумаги в секретную папку и скреплял ее печатями президентской администрации.

– Хорошо, я вас понял, Игорь Петрович. Можете идти, – устало произнес он.

Распрямив спину, помощник уверенным шагом прошагал по дубовому паркету до двери и мягко прикрыл ее за собой. Подбородок президента смялся в складки – пожалуй, нужно все-таки освободиться от слишком информированного помощника, как и от старой мебели, оставшейся от прежнего хозяина. На такую важную должность следует подобрать своего человека, который будет предан лично ему и не станет лепить равнодушие при встрече с первым лицом государства.

Аккуратно отрезав ножницами край конверта, он вытащил папку темно-красного цвета, стянутую обыкновенными длинными белыми тесемками, и увидел бумаги, написанные как на немецком, так и на японском языках, на отдельных листочках был напечатан перевод. В отдельном конверте лежали фотографии и даже вырезки из газет, пожелтевшие от времени, со многими пометками, видно прошедшие через многие аналитические отделы. Все листочки были с печатями, свидетельствующими о высшей степени секретности, и пронумерованы. Внимание президента привлекла фотография, на которой были запечатлены разрушенные дома. Здесь же, зажатые скрепкой, приводились пояснения синими поблекшими чернилами.

«Довожу до Вашего сведения, что на побережье близ города Хьиннам в Японском море 30 июня был произведен атомный взрыв. Юкатан».

Хм, неужели это правда? Атомный взрыв состоялся практически сразу после капитуляции Германии. Получается, что японцы испытали атомную бомбу раньше, чем ее бросили на Херосиму и Нагасаки американцы. Что-то здесь не вяжется...

Юкатан – оперативный псевдоним одного из разведчиков, работавших во время войны в милитаристской Японии. Интересно, как сложилась судьба этого разведчика? До победы над Японией оставалось больше месяца (американцы сбросили бомбу на Херосиму в августе 1945 года), а японская контрразведка славила как одна из самых сильных в мире и действовала до самого последнего дня, так что он вполне мог быть схвачен и казнен буквально в канун победы.

Здесь же размашистым и аккуратным подчерком было написано:

«Весьма ценная информация. Перепроверить!» (подчеркнуто красным жирным карандашом). Привлечь экспертов на подлинность сообщения. – А немного ниже стояла подпись: – И. В. Сталин».

«Вот оно, значит, как...» – прошептал президент.

Ему не однажды приходилось брать в руки документы с подписью Иосифа Сталина, и всякий раз он испытывал нечто похожее на душевное дрожание, но сейчас он ощутил особое волнение. Может, потому, что, пусть и через много десятилетий, прикоснулся к тайне, которая в послевоенное время занимала самые величайшие умы человечества.

Осторожно перевернув очередной лист, президент увидел страницы, исписанные убористым аккуратным почерком. Некоторые предложения были подчеркнуты синим карандашом.

«В качестве эксперта по предполагаемому взрыву в районе города Хыннам нами был привлечен лауреат Нобелевской премии по физике Густав Людвиг Герц, работавший ранее над созданием атомной бомбы у немцев. Из его утверждений следует, что в середине 1944 г. в строжайшей секретности на немецком крейсере «Отто Бисмарк» в помощь своему союзнику по странам «Оси» была доставлена крупная партия Урана-235, а также материалы и методики «Уранового проекта». Японские ученые весьма сильно продвинулись в разработке ядерного оружия, но, по всей видимости, ими была использована «Пушечная схема». Суть ее заключается в выстреливании зарядом пороха одного блока делящегося материала докритической массы (иначе – пуля) в другой неподвижный (иначе – мишень). При соединении их общая масса становится надкритической. Такой способ детонации возможен только в урановых боеприпасах, именно тех, что были доставлены в Японию. С большой долей вероятности можно заявлять, что в Японском море был произведен взрыв, о чем агент Юкатан сообщал ранее. По его заявлению, в районе города Хыннам наблюдалось значительное повышение радиации, также имеются свидетельские показания о мощном грибообразном взрыве.

Начальник внешней разведки, генерал-лейтенант П. М. Фитин».

Президент перевернул еще один листок. Весьма любопытно, но вот какое отношение вся эта документация прошлых лет имеет к современным реалиям? Скорее всего, это некоторый исторический экскурс в противостояние ведущих держав во время холодной войны за право первыми создать атомную бомбу.

«А это еще что такое? – невольно удивился президент, увидев конверт поменьше, тщательно запечатанный, с большими черными печатями на лицевой стороне. – Секретности, что ли, не хватает? Посмотрим, что в нем хранится».

Распечатав конверт, он извлек из него небольшой листок и принялся читать:

«Согласно Вашим указаниям, мною было выяснено, что японским милитаристским командованием готовится грандиознейшая акция, а именно, атомный взрыв близ Камчатки, в территориальных водах Советского Союза. Для этой цели будет использован транспортный корабль, на борт которого планируют загрузить десятки тонн тротила в деревянных ящиках, в центре взрывчатки установят продукты радиоактивного распада. Я располагаю информацией, что взрыв будет совершен в день капитуляции Германии.

Юкатан, 23 марта 1945 г.»

Сюда же была приложена резолюция Сталина:

«Дать задание Юкатану, узнать предполагаемое место судна с атомной начинкой».

Следующий листочек гласил:

«Установить подлинное месторасположение корабля с тротилом на борту и с продуктами радиоактивного распада представляется невозможным. Данная информация содержит наивысший гриф секретности. О предстоящей операции знают всего лишь несколько человек: император, премьер-министр, министр флота и командир судна. Командир судна напрямую подчиняется министру флота. В операцию привлечена большая группа сейсмологов. Корабль решено установить в том месте, где атомный взрыв способен причинить наибольший

ущерб Советскому Союзу, предположительно в районе глубинных разломов. Атомный взрыв будет такой мощности, что, по мнению многих физиков, сожжет в области взрыва весь кислород. Местное население будет обречено. Юкатан».

И вновь резолюция Сталина, написанная размашистым подчерком:

«Немедленно отправить в Петропавловск-Камчатский опытных людей из военной разведки. Корабль должен быть найден в самые кратчайшие сроки».

«В самые кратчайшие сроки» было подчеркнуто трижды красным карандашом.

Следующей в этом перечне была телеграмма:

«Близ морского порта у поселка Тюлений произошел бой советских пограничников с японскими морскими офицерами. Попытка захватить их живыми не увенчалась успехом. Все шесть офицеров покончили жизнь самоубийством, совершив сэппуку. По нашим данным, именно они сопровождали секретный груз с ядерной бомбой. Месторасположение корабля установить не удалось».

Начальник военной разведки округа, полковник А. М. Луговой. 30 апреля 1945 г.»

То есть за десять дней до официального принятия капитуляции. Неизвестно, каковым был бы финал войны, если бы горстке моряков-смертников удалось привести в действие заложенный атомный заряд. А может, и цивилизации бы не было...

Просмотрев следующие страницы, президент убедился, что советское командование не думало отказываться от поисков корабля с атомной начинкой даже после окончания войны. Более того, на наличие такого корабля указывали японские источники, вот только отыскать его никак не удавалось. Судно напоминало «Летучий голландец», о котором многие слышали, но вот только не всякому удалось его лицезреть. Особенно преуспел в поисках корабля его предшественник, выделив сумму, равную бюджету целого региона. Поисковики разбили всю Камчатку по квадратам, выявив наиболее значимые места, как следовало из докладов, «... *просмотрели каждый камень»*, но японский корабль как в воду канул.

Возможно, так оно и было на самом деле...

Перевернув последнюю страницу, президент вдруг ощутил тяжесть во всем теле. Теперь понятно, о какой проблеме говорил его предшественник. В любую минуту взрывчатка может сдетонировать, выбросив в атмосферу сотни килограммов радиоактивного вещества, отравив весь полуостров, и это еще часть возможной беды. Тут потянет на пару десятков Чернобылей! Ситуация значительно усугубится, если заряд действительно установлен в районе глубинных разломов – масштаб катастрофы просто невозможно предсказать!

Следующими были три листка, скрепленные степлером. Сделано это совсем недавно, очевидно, для большего удобства. Первый листок был сильно затерт, из плотной сероватой бумаги и с большой печатью войсковой разведки в правом углу, остальные обычные, в ученическую клеточку.

На первом листке был набит текст на печатной машинке со старой потрепанной лентой.

*«Председателю Президиума
Верховного Совета СССР Калинин М. И.*

Довожу до Вашего сведения, что майор советской военной разведки Тахакаси Сусуми Макотомич, действовавший под оперативным псевдонимом Юкатан, 20 июня 1945 г. был захвачен японской военной контрразведкой. Нами были предприняты усилия по его освобождению, в том числе велись переговоры через премьер-министра Японии Куниаки Коисо, однако безуспешно. После капитуляции Японии 5 сентября 1945 года мы установили, что майор Тахакаси был расстрелян по приговору токийского военного трибунала в тюрьме Сугамо.

В связи с исключительной ролью майора военной разведки Тахакаси Сусуми Макотомича в деле, способствовавшем разгрому милитаристской Японии, в котором он проявил себя

как выдающийся разведчик, а также как большой патриот своей советской родины, прошу лично Вас и Президиум Верховного Совета СССР присвоить майору Тахакаси С. М. звание Героя Советского Союза (посмертно).

*Представитель Главного командования
советских войск на Дальнем Востоке
при штабе генерала Д. Макарура
генерал-лейтенант Деревянко К. Н.»*

Пониже генеральской росписи было написано:

«Не возражаю. Внести майора Тахакаси в ближайший наградной лист. М. И. Калинин».
Дочитав эту страницу, президент углубился в чтение дальше.

«По нашим данным, Германия усиленно работает над проектом «Оружие возмездия» и уже близка к созданию атомной бомбы.

Немедленно проверить информацию.

18 марта 1944 г. И. В. Сталин»

На этой же странице была вклеена очередная шифровка.

«Довожу до Вашего сведения, что в июле 1944 г. на балтийском острове Рюген и в марте 1945 г. в Тюрингии немецким командованием было проведено успешное испытание ядерных бомб. Мощность этих бомб установить не удалось, однако достоверно известно, что их разрушительная деятельность многократно превышает все существующие заряды. Данные основаны на показаниях местных жителей. Они никак не могут быть фальсификацией, поскольку из самых различных источников нами установлено, что сильнейшие взрывы сопровождались невероятно сильной световой вспышкой. Нашему агенту Проповеднику удалось переговорить с местной жительницей Кэр Вернер, являвшейся одной из свидетельниц взрыва. Взрыв происходил на полигоне, подле тюрингского городка Ордруф. По ее словам, ночь тотчас превратилась в день. Вернер утверждала, что видела огромный световой столб, поднимающийся к небу. Столб устремлялся все выше и выше, пока, наконец, не превратился в древо с широко развернувшейся кроной. Середина взрыва была освещена красным, а края были ярко-желтыми. В то время когда агент Проповедник проводил с ней беседу, женщина жаловалась на боли в голове и тяжесть в ушах. Также у нее наблюдалось кровотечение из носа, и она дважды прикладывала носовой платок, чтобы унять текущую кровь. Это признаки лучевой болезни. На полигоне были разрушены все постройки в радиусе пятисот метров. Было убито несколько сот военнопленных, на которых испытывали бомбу, причем многие из них просто исчезли без следа.

Нашими агентами на месте испытательного полигона в Тюрингии были взяты пробы почвы. В лабораториях советским ученым удалось обнаружить наличие в почве радиоактивных элементов, а именно: урана, плутония, цезия-137 и кобальта.

На основании вышеизложенного можно заключить, что немецкая армия обладает готовыми образцами атомной бомбы. Если немецкому правительству удастся всецело завершить проект «Оружие возмездия» и наладить серийный выпуск бомб, это значительно отдалит час победы над фашистской Германией.

*Разведывательное управление
Генерального штаба обороны СССР,
генерал-лейтенант И. И. Ильичев
4 апреля 1945 г.»*

Заявление заняло две страницы, на второй, в самом низу, рукой Верховного Главнокомандующего было написано:

«Разобраться! Сделать все возможное, чтобы не дать немцам запустить бомбы в серийное производство!!!» Три восклицательных знака в конце – признак наивысшей степени важности.

Президент перевернул очередную страницу:

«Довожу до Вашего сведения, что 4 апреля 1945 г. мы встречались с представителями командования союзных войск. Нами была изложена крайняя обеспокоенность созданием немецкими учеными атомных бомб и предложено уничтожить заводы по обогащению урановой руды, расположенные во Франкфурте-на-Майне и в Киле. Союзниками была проведена фотосъемка, которая выявила наиболее возможные объекты для уничтожения. Таких объектов оказалось семь: четыре во Франкфурте-на-Майне и три в Киле. На следующий день бомбардировщики союзников уничтожили заложенные цели. Смею Вас заверить, что в настоящее время создание серийных атомных бомб невозможно.

Однако у нас имеются серьезные опасения по дальнейшему распространению атомного оружия. По нашим данным, американцы значительно отстают от нас на пути создания атомной бомбы. По мнению экспертов, им на это потребуется не менее трех лет, в лучшем случае, два с половиной года. Они всерьез заинтересовались состоявшимся испытанием атомной бомбы в Тюрингии. Именно поэтому союзные войска активизировали свои действия в данном районе, и, как нам стало известно, взятие Эрфурта, столицы области, намечено на двенадцатое апреля. Один из немецких ученых-перебежчиков утверждает, что в настоящее время в штольнях гор Тюрингии запрятано шесть атомных бомб. Мы не исключаем, что такой же информацией обладает и американская сторона. Более того, от нашего агента Проповедника нам стало известно, что эти бомбы американское правительство планирует использовать в предстоящей войне с Японией. Предлагаю создать диверсионную группу и направить ее в Тюрингию для выявления местонахождения атомных бомб. Примерный круг поисков нам известен. При обнаружении атомных бомб диверсионные отряды должны занять круговую оборону и продержаться до прихода наших войск. В связи с этим я бы предложил активизировать военные действия на данном направлении.

*Начальник главного разведывательного управления
Наркомата обороны СССР
генерал-лейтенант И. И. Ильичев»*

Рукой Сталина была нанесена резолюция:

«Утверждаю».

Далее короткая шифрограмма:

«Бомбы найдены, их шесть, 12 апреля 1945 г.»

И немного ниже:

«Отличная работа! И. В. Сталин».

Президент стал читать следующий лист:

«12 апреля 1945 г. Эрфурт был занят Третьей американской армией. Связь с нашей группой пропала сразу после того, как в город вошли американские войска. У нас имеются серьезные основания полагать, что группа уничтожена войсками союзников. Несмотря на предпринятые усилия, отыскать их местоположение не удастся. Американская сторона уклоняется от всяких объяснений и не дает проводить следственные мероприятия на занимаемой территории. Мое мнение таково: американцы уничтожили нашу группу и захватили атомные бомбы.

*Начальник главного разведывательного управления
Наркомата обороны СССР,
генерал-лейтенант И. И. Ильичев»*

На этом же листке Сталин подписал синим карандашом:
«*Не самое подходящее время для ссор*».

Президент захлопнул папку и прикрыл глаза. Все становилось на свои места. Теперь понятно, почему американцам удалось так быстро продвинуться далеко вперед по созданию атомных бомб. Просто двенадцатого апреля тысяча девятьсот сорок пятого года в горах Тюрингии они отыскали шесть атомных бомб, две из которых, названных с присущим американцам юмором «Малыш», совсем скоро упали на японские города Хиросиму и Нагасаки. Где же в таком случае остальные четыре бомбы? Наверняка им была уготована участь обрушиться на города Советского Союза.

Президент уже не сомневался, каким будет следующий его приказ. Вызвав помощника, он произнес:

– Я ознакомился с этими бумагами.

Помощник едва кивнул, ожидая продолжения.

– Нужно заняться поисками японского судна. Судя по этим документам, скорее всего, оно находится где-то у южных берегов Камчатки. Подключите к поискам МЧС. Пусть они подойдут к этому делу со всей ответственностью и осторожностью. Кто там начальник МЧС?

– Генерал-майор Шашков.

– Я знаком с ним... – удовлетворенно кивнул президент. – Весьма деятельный человек. Уверен, что он не провалит порученное дело.

– Я уже подготовил соответствующие бумаги, господин президент, – энергично отозвался помощник. – Сейчас принесу вам на подпись.

– Вот оно как... Ну, что ж, жду...

Помощник ушел. Увольнять такого понимающего работника, видимо, рановато.

Часть I. Астероид-призрак

Глава 1. Побег, или Обувь, спички и курево

20 июля, Москва

Колония со стороны воли выглядит пугающе: смотровые вышки, высокие стены, длинные бараки. Невольно возникает мысль, что жизнь на небольшом пятачке, огороженном колючей проволокой, замерла, а если все-таки существовала, то невероятно унылая, серая и беспроектная.

В действительности жизнь не прекращалась и там. Самое большое открытие, которое сделал для себя Прохоров Николай, состояло в том, что здесь люди так же смеются и улыбаются, как и на воле. Порой за решеткой кипят самые нешуточные страсти, какие могут случаться только на небольшой территории, переполненной мужчинами. Здесь возникают самые крепкие союзы, называемые «семьей». Вместе с «семьей» делишь хозяйскую пайку, вместе с ней тащишь тяготы заключения, страдаешь. И знаешь, что, если угодил в изолятор, найдется в этом небольшом мире верный человечек, который непременно отыщет туда дорогу – «погреет» куревом и хавкой.

Не опасаясь «вертухая», находящегося на вышке, Прохоров с двумя подельниками прошел в промышленную зону и направился в самый дальний угол территории, где в три ряда выстроились недавно сколоченные срубы. Заказчик должен был забрать их только на следующей неделе.

Уже была ночь, но в промышленной зоне, освещенной по периметру фонарями, продолжалась работа в третью смену. «Вертухай» лениво посматривал на заключенных, распиливающих бревна на доски и складывающих их в аккуратные рядки. Хотя какое-то развлечение, там посмотришь, тут головой повертишь, глядишь, и время побойчее пойдет. Чего же пнем-то стоять!

Бросив взгляд на троицу, направлявшуюся в сторону срубов, «дубак» тотчас потерял к ним интерес. Прохоров Николай с приятелями были одними из многих, кто работал в этот день в ночную смену. Работа мало привлекательная, даже где-то нудная – полночи проводятся, подбирая по размеру подходящие бревна, потом будут ставить. Причем нижние венцы должна составлять могучая листовница, на которую укладываются стволы потоньше, а дальше у станка нужно стесать одну сторону, направленную во внутреннюю часть сруба, вот тогда он будет выглядеть светлым и просторным.

Втроем прошли в просторный сруб, служивший бригаде гардеробной. Стукнула негромко доска, за ней еще одна, видимо, ведутся какие-то внутренние работы. Ничего интересного! «Вертухай» перевел взгляд на соседний отряд, где работы велись не в пример веселее – режущий звук станка чередовался с глуховатым матерком, громыхали сбрасываемые доски, кто-то особенно ретивый в глубине темноты вколачивал гвозди.

Некоторое время Николай Прохоров прислушивался к звукам.

– Петр, глянь там, все в порядке?

Молодой мужчина лет тридцати охотно кивнул, вышел из сруба и зашагал к доскам, уложенным штабелями. Некоторое время он гремел ими, создавая видимость работы, а потом вернулся в сруб.

– Никого нет.

– Вот и славно. Тогда с богом! Давай оттаскиваем, только чтобы не греметь, – предупредил Прохоров.

Оттащили доски в сторону – под ними прела почерневшая прошлогодняя солома, через которую просматривалась грубо сколоченная крышка.

– Посвети, – сказал Николай и приподнял крышку.

Луч фонаря проник в темноту, осветив глиняные стенки.

– Ты уверен, что он нас ждет? – спросил Петр.

– Уверен.

– А если засветится, мало ли... Все-таки зона.

– Не бойся, не запалится. Голова на плечах есть. Аркаша, – повернулся он к третьему. – Говоришь, немного осталось?

– Послушай, Коля, что-то я не въезжаю, ты сам сказал больше не копать. Там ведь земля уже проседала. Два раза ковырнешь, и она провалится! Земля на корнях держалась.

– Это я так... Очень удачно выползем, как раз в посадках. С вышек не увидят, там деревья. С поселка тоже все закрыто. Ладно, я полезу первым, если что, встречу как нужно.

Подхватив лопату, Николай, согнувшись, протиснулся в узкий лаз. Невольно крикнул, ощутив плечами плотное и неприятное объятие глиняной норы, и, проталкивая перед собой лопату, пополз. Позади, усиленно пыхтя, двигался Аркадий. От земли тянуло холодом, который, казалось, добирался до самых кишок. В одном месте ход сильно сужался, и пришлось немного отползти назад, чтобы расширить его лопатой. Еще один неприятный момент Прохоров почувствовал на изгибе тоннеля: в этом месте было настолько узко, что он ощутил себя пробкой в тесном горлышке бутылки. Поработав лопатой, расширил проход. А вот и конец тоннеля...

– Кажется, тут обвалилось немного, – проговорил он, осматриваясь. – Суглинок, зараза! Дальше тяжело...

– Попробуй протиснуться.

Сжав зубы, Николай двигался вперед, преодолевая сажень за саженью. Вдруг сверху за воротник посыпалась земляная крошка, и через небольшое отверстие он увидел краешек желтой луны, воровато выглядывающей из-за облака. Ткнув лопатой в брешь, он расширил ее и, не скрывая облегчения, стал выползать наружу. Сначала просунул голову, а потом, освобождаясь от тесного плена, выдвинул плечи. Снизу его крепко подтолкнули, и он, обдирая лицо о колючие ветки, выкатился наружу.

– Кажись, выбрался!

Вокруг, закрывая от нечаянного глаза, произрастал молодой разросшийся ельник. Колония, слабо подсвеченная спрятавшейся за облака луной, осталась метрах в восьмидесяти. Прохоров даже разглядел «вертухая», стоявшего на вышке. Вот только смотрел тот совсем в противоположную сторону. Николай вдруг почувствовал, что на него нахлынуло невероятное счастье: хотелось петь, плясать, орать в голос, только усилием воли он сумел удержать крик радости, разрывавший его грудную клетку. Поднявшись, осмотрелся по сторонам. За деревьями, приблизительно в полсотни метров, с потушенными фарами стоял «Jeep Wrangler», через стекла за водительским креслом просматривался нечеткий темный силуэт.

Кряхтя, из норы вылез Аркаша, за ним Петр. На лицах обоих, выглядевших при лунном свете мертво-бледными, застыло счастье. Они испытывали те же самые чувства.

– Это он? – показал Аркаша на спрятавшуюся за деревьями машину.

– Да. Больше некому. Он написал, что будет джип. Ну что, потопали?

Неожиданно за спиной бабахнуло, и поселок осветило яркой вспышкой. Николай невольно пригнулся, заметив испуг на лицах приятелей.

– С деньгами пролета не будет? – спросил Аркаша.

– Я же сказал, что деньги есть, – пряча раздражение, ответил Прохоров. – Лежат в правильном месте. Ты только не гоношись.

– Тогда лады... Э-эх, заживем!

– А это что еще за дела? – недовольно произнес Аркаша, когда поселок вновь утонул во мраке.

– Вулкан Авачинский... Что-то в последнее время он расшалился.

Хрустя ветками, подошли к машине. Передняя дверца гостеприимно открылась.

– Привет, крестник! – поздоровался Прохоров. – Заждался?

– Есть немного. Тут патруль проходил... Думал, что они вас заметили. Слава богу, обошлось.

– Если бы они заметили, – сказал Николай, уstraиваясь на переднем сиденье, – тут такая шумиха бы поднялась, что не приведи господь!

На заднем сиденье устроились Петр с Аркашей и аккуратно, стараясь не хлопнуть, прикрыли за собой дверцу. Вытащив из-под ног большой рюкзак, водитель произнес:

– Здесь одежда. Переоденетесь. Не в этом же вам на воле ходить. Сразу упакуют!

– Тоже верно. – Прохоров взял рюкзак и почувствовал, что он имеет вес. – Ого! Тяжелый.

– Там кое-какая еда. Обувь, спички, курево. Есть деньги, но немного. В общем, все, что нужно на первое время.

– Понял... А нам большего и не нужно. Оставаться здесь долго мы не собираемся. Транжирить особо не будем. А дальше... что-нибудь придумаем.

– В рюкзаке телефон...

– Нужная вещь.

– Звонить только в крайнем случае. Иначе вас могут засечь.

– Понял. Ты нас поближе к бухте Нерченской подкинешь?

– Не могу. До моря вам придется добираться самим. У меня есть кое-какие дела...

– Что за дела? – насторожился Прохоров.

– За документами надо съездить. Они еще не готовы, обещают дня через два.

– Значит, они не в рюкзаке, а я-то думал... Проклятье! Мы ведь рассчитывали.

– Это не от меня зависело, со своей стороны я сделал все, что мог. Я вам их подвезу.

– Хорошо, договорились. А сейчас что?

– Отвезу вас километров за тридцать, поближе к океану. В той местности народу немного. Зато достаточно дачных поселков, большинство домов стоят пустые. Люди приезжают туда на субботу и воскресенье. Аккуратненько можно переночевать в одном из них. Главное – никому на глаза не попадаться. И только постарайтесь без жертв! Иначе вас просто отсюда не выпустят. Пристрелят сами охотники, а потом просто втихую зарюют. А дело под шумок закроют. Тут такие вещи не редкость.

– Ты нас за зверей, что ли, держишь? – хмыкнул Николай. – Сами, конечно, мы не попрем, но и голову подставлять под пулю не станем. Не для этого мы к «зеленому прокурору» потопали. Ладно, чего мы тут стоим, трогай!

Двигатель мягко заработал. Машина, отыскав ближними фарами тропинку в густом ельнике, потихонечку покатила, косолапо перекатываясь с одной стороны на другую.

Колония осталась далеко позади.

Глава 2. Вино «Бароло Каннаби», или Самолет на Камчатку

22 июля

– Наконец-то мне удалось в кои веки вытащить тебя в приличное заведение, – произнесла Анна, положив узкую ладонь на толстые грубоватые мужские пальцы. – Знаешь, в этом ресторане великолепная рыба. Может, начнем с нее? – Покровский Афанасий лишь неопределенно пожал плечами, что должно было означать: «За тобой право выбора. Сегодня твой день». Анна оценила. Едва улыбнувшись, продолжила с той же милой улыбкой: – А еще очень вкусное итальянское вино!

Афанасий Покровский, в отличие от Анны, среди хрустальной роскоши, свисающей с потолка в виде изящной люстры, и сусального золота, торчавшего со стен в виде ангелочков и античных полуголых богинь, чувствовал себя крайне неловко. И невольно задавал себе вопрос: какая напасть привела его в дорожный ресторан? Куда увереннее он бы чувствовал себя где-нибудь в рюмочной на окраине Москвы, напрочь лишенной изысков. Махнул бы полстакана водки и потопал себе дальше. Но в этот раз придется потерпеть – у Анны день рождения. Нужно было старательно лепить радость и делать вид, что ему чрезвычайно нравятся паркетные полы, сверкающие лаком, тяжелые портьеры с замысловатым узором на больших окнах, официанты во фраках, похожие на пингвинов, и даже огромный аквариум с большими красными пучеглазыми карасями, которые так и просились на сковородку.

– Надеюсь, ты сама закажешь, знаешь... я не силен в вине, – простодушно произнес он.

– Хорошо. Видишь, опять я тебя выручаю, согласишься, ты без меня никуда.

Подошел официант, почтительно склонившись. Длинные волосы смазаны каким-то сверкающим гелем и зачесаны посередине на пробор так, как любили приказчики и полотеры в начале двадцатого столетия. Его показная любезность раздражала, а фрак, торчащий раздвоенным хвостом, вызывал смех, и Покровский едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос.

– Что желаете?

– Какое бы вы нам рекомендовали вино? – произнесла Анна.

– Я бы рекомендовал вам «Бароло Каннаби», – с готовностью ответил официант, – его можно назвать традиционным для Италии. Оно произведено из исконно итальянского сорта винограда и имеет высшую категорию в классификации вин.

– Вы неплохо разбираетесь в вине, – буркнул Покровский.

– У нас каждый официант разбирается в вине, но одно время я работал сомелье.

– Что ж, прекрасный выбор, – мягко улыбнулась Анна. – Принесите нам пока на пробу этого вина.

Телефон, лежавший на столе, неожиданно завибрировал, привлекая к себе внимание.

– Не бери, – строго проговорила Анна, – ты имеешь полное право отдохнуть.

Телефон не умолкал и, подобравшись к самому краю, грозил сорваться с края стола.

– Знаешь, я все-таки возьму... Упадет ведь.

– У меня такое впечатление, что без тебя все управление развалится, – раздраженно бросила Анна и отвернулась.

Продолжение вечера грозило разладиться. Только тонкая дипломатия способна предотвратить назревавший конфликт. Официант продолжал стоять, терпеливо ожидая заказа. Лицо спокойное, таких размолвок в одну смену встречается с десятком. Ему не привыкать!

Афанасий Покровский взял телефон и посмотрел на экран – высветился номер начальника следственного управления Дудинцова. Просто так тот не станет названивать, значит, произошло нечто серьезное, а потому Афанасий просто обязан ответить.

– Да, – негромко произнес он.

– Ты сейчас сильно занят? – прозвучал ровный голос полковника Дудинцова. Вопрос – пустая формальность, ведь он не мог не знать, что время после шести часов вечера всецело принадлежит Афанасию.

– Никак нет, – бодро ответил Покровский, как если бы находился не в ресторане с любимой женщиной, а в курилке с соседом по лестничной площадке, где между глубокими затяжками травил анекдоты.

– Это хорошо. – В голосе начальника управления послышалось некоторое облегчение. – Тут такое дело... В общем, приезжай немедленно, расскажу все, как есть.

– Хорошо, я выезжаю.

Афанасий сунул телефон в карман. Вечер не задался. Теперь только остается выслушать ворох упреков и отправиться в управление. Взглянув на официанта, он произнес:

– Отмените заказ. Мы сейчас уходим.

– Мне жаль, – с чувством произнес официант, как если бы он был лично виноват в сорванном ужине.

– Мне тоже, – ответил Покровский, насупившись.

Официант удалился, помахивая шлицами фрака.

Впереди самое трудное – объяснение с любимой женщиной по поводу сорванного ужина. Вот только подходящих слов отчего-то не находится.

– Тут такое дело...

– Я тебя внимательно слушаю, – произнесла Анна. – Что же на этот раз?

– Пока не знаю.

– А ты не мог бы послать его... ко всем чертям?

– Хм... Наверное, мог бы, но завтра я бы уже там не работал. И потом, я не такой всемогущий, как твой папа.

– Вот что... Ты может уходить, а для меня вечер еще не закончился. Я остаюсь одна. И все-таки попробую этого замечательного вина. Официант! – громко выкрикнула Анна и, когда тот подошел, заказала: – Принесите мне вина... того самого, из лучшего винограда.

– Хорошо, будет исполнено, – с готовностью отозвался официант.

Афанасий Покровский поднялся, еще не теряя надежды, что Анна последует за ним. Но нет, она продолжала сидеть на своем месте, даже не взглянув в его сторону.

До следственного управления Афанасий добрался за сорок минут.

Многие окна в здании были освещены, люди работали. Угловую комнату на третьем этаже занимал начальник управления, и свет в его двух больших окнах, пробиваясь через тяжелые коричневые шторы, выглядел тусклым. Поднявшись на третий этаж, Покровский прошел мимо унылого секретаря, сидевшего за своим столом (парень проклинал работоспособность непосредственного начальства и не сводил глаз со стрелок стенных часов, двигавшихся невероятно медленно), и, негромко постучавшись, вошел в кабинет.

– Ага, пришел, – благодушно произнес полковник Дудинцов. – Присаживайся... Надеюсь, я не очень расстроил твои планы, – испытующе посмотрел он на Покровского.

– Нет, я просто немного отдыхал.

– Ну, тогда ладно. Ты меня успокоил, а то, знаешь, бывает, звонишь, а человек в это время сидит в ресторане с любимой женщиной. Неловко как-то получилось бы.

Губы Покровского едва заметно скривились, и ему очень хотелось, чтобы полковник этого не заметил.

– Ты, кажется, родом откуда-то из тайги?

– Можно сказать и так... Отец у меня из Бурятии. Там до сих пор дед мой живет, в детстве я у него почти каждый год гостил.

– Видишь, как оно получается. Этот факт в твоём деле отмечен... Тут такое дело, поедешь на Камчатку?

– Куда? – невольно вырвалось у Покровского.

– На Камчатку, – усмехнулся начальник. – Места там красивые, помотришь курящиеся вулканы, полюбишься долиной гейзеров. Уверен, что для человека из Москвы местные власти организуют экскурсию. Сделаешь замечательные фотографии, потом покажешь, похвастаешься... – Покровский молчал. – Тебя что-то смущает? – испытующе посмотрел на него Дудинцов.

– Нет... Но как-то очень неожиданно, что ли.

– Знаешь, вся наша жизнь состоит из одних сплошных неожиданностей... Так вот, в Юрьевской исправительной колонии строгого режима за номером четыреста шестьдесят три произошел побег трех заключенных, осужденных за убийство, нужно выяснить все обстоятельства этого побега. Причем у одного из них на личном деле «красная полоса» – склонен к побегу. Странно, что руководство колонии не учло этого обстоятельства. Есть вопросы? – натолкнулся Дудинцов на недоуменный взгляд Афанасия.

– Прежде мне не приходилось заниматься такими делами. Есть более подготовленные люди.

– Все так, но я хотел бы, чтобы в этот раз поехал именно ты... Скажу честно, ситуация непростая. Дело в том, что МВД на начальника колонии полковника Евдокимова имеет определенные виды. А если говорить конкретнее, то его хотят забрать в Москву. Он умен, энергичен, молод. Его колония числится одной из лучших по всему Дальнему Востоку. Но в последнее время на него поступают различные жалобы. По существу, в таких районах начальники колоний ведут себя как самые настоящие князья. Порой именно в их руках реально сосредоточена настоящая власть и деньги. Всегда есть бесплатная рабочая сила, которой они распоряжаются, как им заблагорассудится. Значительная часть средств может поступать им лично в карман... На это тоже следует обратить внимание, если подобный факт обнаружится, немедленно сообщи. Как видишь, дело не такое простое, как кажется на первый взгляд. Отправить больше некого... Так что ты станешь на время нашими глазами и ушами. К тому же в этом регионе уже давно никого из нашего управления не было, а местные власти должны почувствовать, что мы все видим, все контролируем, не пускаем дела на самотек и во всем хотим разобраться лично.

– Я все понял. Когда вылетать?

– Завтра утром.

– С билетами я должен...

– Здесь тебе не стоит беспокоиться, – быстро произнес начальник управления. – Я уже договорился, полетишь на самолете МЧС, как раз завтра они вылетают на Камчатку. Отправишься вместе с начальником регионального МЧС генерал-майором Шашковым. Я его знаю лично. Весьма толковый человек.

После разговора с начальником Следственного управления Покровский вернулся домой в пустую квартиру. В тоскливом одиночестве стал смотреть телевизор, где пара десятков паяцев пытались его развеселить. Однако смешно ему не было. Афанасий выключил телевизор и лег спать – завтра ожидается трудный день. Часы показывали половину второго ночи, Анны все еще не было.

Она появилась около пяти часов утра: не включая света, прошла в комнату, почти неслышно разделась и легла рядом, обжигая его своим теплом. От Анны пахло чужим домом, в нос ударил запах мужского незнакомого одеколона, утомленная грубоватыми ласками, она выглядела усталой.

Сон был тяжелый. Можно сказать, что Покровский почти не спал, лишь забывался на какую-то минуту-другую, чтобы потом вновь пялиться в потолок и прислушиваться к дыханию

женщины, которую уже давно не любил и которая также его не любила, оставалось удивляться тому, что же их связывало и держало под одной крышей.

Отключив будильник, Афанасий поднялся и стал одеваться.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – спросила Анна.

– А что ты от меня ждешь? – спросил Покровский, застегивая китель.

– Например, не спросишь, где я провела всю ночь? Или тебе это совершенно не интересно?

– И ты мне расскажешь? – хмыкнул он.

– А может, и расскажу... Ты будешь ревновать?

Анна поднялась с постели, показав главный свой козырь – длинные белые ноги. Вот только в прошедшую ночь они достались кому-то другому.

– Я уезжаю сейчас, мне не о чем с тобой говорить, просто нет на это времени, – затянул Афанасий на шее галстук.

– Ну, ты меня прости... Прости! – поднялась Анна. Через прозрачную голубоватую ткань рубашки он видел ее крепкое тренированное тело. – Неужели ты не хочешь обнять свою девочку, поцеловать ее, как было раньше... Хочешь, я позвоню отцу, твою командировку отменить, и мы с тобой полетим на Гавайи, как планировали.

– У меня работа, – негромко напомнил Покровский. – Я должен ее выполнить.

– Прости меня, я опять не то говорю. Мой папа тут ни при чем... Я плохая девочка, развратная, нехорошая. Я сделала ошибку, но ты должен быть великодушным, ты же такой сильный!

– Аня, – убрал Афанасий девичьи руки со своей шеи, – давай поговорим с тобой об этом потом, когда я вернусь. Нам есть что обсудить, но я бы не хотел этим заниматься перед дорогой.

Он прошел в коридор и взял портфель, сложенный накануне: смена белья, бритвенные принадлежности, зубная щетка.

– Ты даже не поцелуешь меня? Знаешь, у меня уже был такой мужчина, как ты. Сильный, надежный, верный. Я его потеряла. Мне бы не хотелось, чтобы эта история повторилась.

Облокотившись о косяк, Анна наблюдала за тем, как Афанасий обувался. На фоне светлого окна ее рубашка выглядела совсем невидимой, и он мог до мельчайших подробностей рассмотреть красивое тело двадцатипятилетней женщины. Но нагота любимой женщины его в этот раз не взволновала.

– Теперь ты меня прости... Но я не могу.

– Я тебя буду ждать, – закусив губу, проговорила Анна.

Не сказав более ни слова, Афанасий вышел за порог, чувствуя, что взвалил на свои плечи очередную проблему.

Служебная машина уже стояла у входа.

– Куда едем? – бодро спросил водитель.

– Давай на военный аэродром, – угрюмо отозвался Афанасий.

– Понял, – столь же серьезно ответил водитель, понимая, что подполковник Покровский к беседам нынче не расположен, а значит, дорогу придется провести в тоскливом молчании.

Оживился Афанасий лишь тогда, когда появились первые постройки аэродрома.

– Вот, кажется, и приехали, – произнес он с видимым облегчением.

Лайнер «Ил-476» стоял на самом краю взлетного поля и на фоне ближнемагистральных самолетов, то и дело снующих по взлетной полосе, выглядел невероятно огромным, если не сказать, величественным. Афанасий неспеша покурировал в сторонке и ждал, когда, наконец, на него обратят внимание.

– Афанасий Викторович? – услышал он за спиной мужской голос и, повернувшись, увидел крупного добродушного мужчину лет сорока пяти, с покатыми плечами и с короткой стрижкой пепельных волос. На нем была форма офицера МЧС с погонами генерал-майора.

Вот так просто, без звания, только по имени и отчеству. Оно и к лучшему.

– Он самый, – охотно отозвался Покровский. – А вы – Шашков Степан Федорович?

– Все верно. Давайте пройдем в самолет. Мы уже вас заждались.

Судя по располагающему выражению его лица, Покровский понял, что приобрел понимающего и хорошего собеседника, а, стало быть, дорога до Петропавловска-Камчатского не будет столь обременительной.

Взлетели быстро, без долгого ожидания, которое нередко случается на гражданских самолетах. «Ил-476», качнув крыльями, быстро взмыл вверх и затерялся среди кучевых облаков.

Афанасий расположился у иллюминатора за небольшим столиком и с интересом наблюдал за тем, как под могучими крыльями, разбившись на многоцветную мозаику, проплывает Подмосковьё.

– Вы надолго к нам? – подсел к нему Шашков.

– Трудно так сразу сообразить, но думаю, что на недельку задержусь.

– Я в курсе ваших дел... Так уж получилось. Меня немного проинформировали. Ведь я же должен знать, кого перевожу на своем самолете.

– Все так. И что вы думаете о Евдокимове?

– О Павле Спиридоновиче? – оживился генерал. – О нем, конечно, много говорят разного, но у меня давно сложилось собственное мнение. Мужик он жестковатый, любит порядок, при нем не побалуешь. И то, что побег произошел именно в его колонии, для меня, конечно же, очень даже странно. Он привык вникать во все дела лично. Впрочем, у вас будет возможность в этом убедиться. – Разговор прервал телефонный звонок. Генерал посмотрел на экран, и его бледноватые губы расплзлись в довольной улыбке: – Жена... Людмила... Любит меня без памяти, – заговорщицки сообщил он. – Молодая, ревнивая, даже в самолет звонит... Проверяет! Мало ли... Извините, – поднялся Шашков.

Афанасий понимающе улыбнулся: «Приятно, что хотя бы кому-то повезло!»

Генерал отошел в сторонку:

– Да, слышу, милая... Да, золотко, да, Люсенька... В самолете, скоро буду. Ну, конечно, как же я без тебя, милая. Так ты ставь чайник, скоро прилечу.

Внизу проплывали однообразные успокаивающие пейзажи, клонило ко сну. Закрыв глаза, Покровский медленно погрузился в тягучий, но чуткий сон, какой случается только в салоне самолета под гул монотонно работающих двигателей.

Почти весь перелет Афанасий проспал, поэтому он не показался ему долгим: пробудился лишь однажды, чтобы перевернуться на другой бок, и вновь задремал. Потом почувствовал, как шасси упруго коснулись взлетной полосы и рядом прозвучал довольный голос генерала:

– Вот мы и прибыли!

Открыв глаза, Покровский увидел серую поверхность взлетного поля, за которой в трехстах метрах тянулись низкие ангары со сводчатой металлической сверкающей крышей, а дальше, закрывая горизонт и перекрывая друг друга, сгрудились сопки.

Вот она, Камчатка... Прибыли!

По трапу с крутыми ступеньками вышли прямо на взлетное поле.

– А вон и ваша машина, – показал генерал на «УАЗ», подле которого стоял высокий, вызывающе молодой полковник с черной густой шевелюрой. – Сам Евдокимов, собственной персоной.

– Но я же не сообщал, – удивился Афанасий, разглядывая рослого плечистого человека. Спрятав руки за спиной и по-хозяйски расставив ноги, тот внимательно разглядывал выходящих пассажиров.

– Хм... Вы недооцениваете полковника Евдокимова. Для него не существует мелочей, а уж встретить столичного гостя... Это святое дело!

Тепло попрощавшись с генералом Шашковым, Афанасий направился к машине.

– Здравия желаю... Вы подполковник Покровский из Следственного комитета?

– Он самый.

– Я – начальник четыреста шестьдесят третьей колонии полковник Евдокимов, – представился атлет, браво козырнув.

– Вот я как раз к вам и направлен. Вижу, что мое появление не стало для вас неожиданностью.

– Хм... Не удивляйтесь. В нашем ведомстве как хорошие, так и дурные новости распространяются очень быстро. Прошу вас... Садитесь.

– Вы без водителя? – удивился Покровский, устраиваясь на пассажирское место.

– Иногда люблю сам порулить. Приятно осознавать, что твоя жизнь находится в твоих же собственных руках.

– Тоже верно, – согласился Афанасий и невольно поймал себя на том, что попал под его обаяние.

– Так куда мы сейчас направляемся? Вас отвезти в город, в гостиницу? Наверняка хотите передохнуть с дороги.

– Давайте сразу в колонию. Знаете, за время полета я успел достаточно отдохнуть и выспаться, так что самое время и поработать.

– Тогда милости прошу, – с готовностью ответил полковник, выезжая со взлетного поля, но Покровский был почти уверен, что за маской любезности тот прятал едкую усмешку.

Глава 3. Интеллектуальное сооружение, или Здесь был лагерь

23 июля, поселок Юрьевский

Лагерь располагался в широком ущелье, стиснутом с обеих сторон лесными сопками, по соседству был отстроен поселок Юрьевский, в котором чувствовался недостаток. Дома каменные, капитальные, строившиеся на века, с большими участками, засаженными фруктовыми деревьями, среди которых преобладали яблони, разросшиеся невероятно высоко и широко. У многих домов стояли автомобили, в основном внедорожники, наиболее популярный здесь вид транспорта. На улице народу немного – кто-то копался на огороде, кто-то возился подле машины, две мамы катили детские коляски, лишь у магазина толкались несколько человек, видно, обмениваясь последними новостями. Жители поселка в своем большинстве трудились в колонии.

Ворота отворились, и Евдокимов, въезжая на территорию лагеря, произнес с некоторым облегчением:

– Вот мы и приехали.

Офицеры, ждавшие хозяина, нервно покуривали, но, заметив подъезжающий «УАЗ», дружно побросали недокуренные сигареты в урны.

– Здравия желаем, товарищ полковник!

– Здравия желаю, – ответил Евдокимов, бодро выскочив из автомобиля. – Чего стоим? Потопали!

Полковник вместе с Покровским и в сопровождении офицеров колонии вошли через небольшие ворота в производственную зону, отгороженную от остальной части лагеря стеной из колючей проволоки.

Показав на три белых одноэтажных каменных корпуса, Павел Спиридонович проговорил:

– Здесь заключенные трудятся. Зарплата у них стабильная, не ниже минимальной оплаты труда, сдельная. Ее мы начисляем на карточку. В выходные и праздничные дни проводим культурно-массовые или спортивные мероприятия. – И, заметив легкую улыбку Покровского, добавил: – Колония, конечно, не дом отдыха, здесь спать никто особо не даст, но условия у нас вполне человеческие. Можете сами в этом убедиться.

Показывая достижения колонии, полковник Евдокимов вел себя уверенно, с достоинством, как и подобает человеку его звания и должности, без малейшего намека угодить столичному проверяющему: был почтителен, но без чинопочитания, предупредителен, но не навязчив.

Колония впечатлила не столько своей площадью, хотя она тоже была весьма велика, сколько производственными мощностями. В двух рабочих корпусах располагались ткацкие цеха, в которых шили бушлаты, рукавицы, перчатки, в третьем здании находилась столярно-плотничная мастерская, где изготавливали мебель, причем весьма высокого качества. Но значительную часть производственной территории занимали цеха по изготовлению домиков из бруса и срубов. Домики, выстроившиеся ровными рядками, можно было бы принять за лубочные, сошедшие со сказочной картинки, если бы не колючая проволока, окружавшая лагерь по периметру в три высоких ряда.

– И откуда же они выбрались? – недоуменно спросил Покровский, посмотрев на начальника колонии.

– Через сруб, – ответил тот. – Там тоннель.

– Что ж, ведите!

Евдокимов твердо зашагал в дальний конец производственной зоны и, остановившись перед самым крайним срубом с недостроенной крышей, сказал:

– Это здесь.

Перешагнув через грубо струганный ствол, Афанасий подошел к большому сруб, поставленному из могучих сосен, – выглядел он весьма внушительно и заслонял собою большую часть жилого барака и караульную вышку. Сруб стоял вблизи запретной зоны в виде небольшой насыпи шириной в несколько метров, освещаемой с вышек сильными прожекторами. Вокруг не было ничего такого, что могло натолкнуть на мысль о побеге. Территория ухожена, тщательно подметена, кое-где посыпана желтым песочком. Стружка собрана в отдельную кучу.

– Значит, отсюда? – переспросил он, повернувшись к начальнику колонии.

– Так точно, товарищ подполковник, – сказал тот, слегка распрямившись.

На его красивом с правильными чертами лице обозначилась подобающая строгость. Держался Евдокимов уверенно, спокойно, без суеты. Взгляда при разговоре не отводил, смотрел прямо, как если бы намеревался прожечь дыры в переносице собеседника. Невольно возникло сомнение, что это у кого-то другого убежали из лагеря три особо опасных преступника, осужденных за убийство. У начальника колонии нервы были железные, это надо признать. Возможно, что на его месте другой бы попытался услужить проверяющему, преданной собачонкой заискивающе заглядывал бы в глаза и делал бы все возможное, чтобы как-то смягчить сложившуюся ситуацию. А этот даже не моргнет! В какой-то степени такая линия поведения внушает уважение.

– Когда обнаружился побег? – сухо спросил Покровский.

Неподалеку, совершенно ненавязчиво, чтобы не мешать разговору сотрудника следственного отдела с начальником колонии, стояли офицеры: заместитель по режиму – коренастый майор с короткими пухлыми ручонками и помощник начальника колонии – худой и узкоплечий капитан с изможденным скуластым лицом.

– Утром три дня назад на лагерной переключке, – честно ответил полковник, продолжая смотреть Покровскому в глаза. – Мы их не досчитались и тут же начали поиски. Еще через пятнадцать минут в этом срубе был обнаружен подкоп. Заключенные работали в одной смене, вместе и убежали.

– Стало быть, вы ищите беглецов до сих пор и не можете их найти? – ядовито хмыкнул Покровский, надеясь, что начальник колонии хотя бы отведет взгляд. Но смутить того было крайне сложно, похоже, он вообще не видел за собой вины и воспринимал побег заключенных как нечто заурядное, ведь не в детском же саду работает, всякое может произойти!

– От нашего лагеря поисками занимается взвод солдат во главе со старшим лейтенантом Сильчиным. Офицерами оперативной части были опрошены десятки жителей, но пока никаких результатов...

– Ну-ну...

– Побег был тщательно подготовлен, товарищ подполковник, скорее всего, с той стороны колючей проволоки их уже поджидали сообщники, они же и вывезли их на машине как можно подальше от лагеря.

– Откуда такая уверенность?

– Неподалеку от выхода обнаружили свежие следы автомобильных покрышек. Предположительно внедорожник. Мы пытались по протекторам определить машину, расспрашивали местных, может, кто-то из них видел посторонних в поселке, но выяснить пока не удалось. За последние три месяца в поселке чужих не видели.

– Понятно, – произнес Покровский и шагнул через узкий проем в недостроенный сруб.

Сруб был довольно просторный – шесть на шесть метров, гладко тесанный. В нем свободно может спрятаться половина роты, не говоря уже о трех эках, что рыли подземный ход. Стены сруба, сложенные в двенадцать венцов, не дают возможности рассмотреть с караульных вышек, что творится внутри, так что «побегушники» чувствовали себя внутри вполне ком-

фортно. Большой проблемой мог стать вынос земли, но вокруг шла самая настоящая стройка, так что вряд ли кто из охраны насторожится от горки свежей земли, брошенной в кучу стружки.

– Где лаз?

– Перед вами... Вот эта яма.

Покровский отступил в сторону. На дне лаза лежал пук сухой травы, со стороны напоминавший небольшую затянувшуюся рытвину, какую обычно копают под столб.

Приподняв сухую траву, Афанасий увидел узкую нору, удалявшуюся в направлении запретной зоны. Как же так получилось, что заключенным совершенно незаметно удалось прорыть ход через запретную зону и под тремя ограждениями с колючей проволокой, оборудованной, между прочим, сигнализацией?

– Замеряли длину подземного хода?

– Не только замеряли, но и пролезали через него, товарищ подполковник, – столь же бодро ответил начальник колонии.

Держался он бодро, можно даже сказать, по-молодецки. Побег заключенных настроения ему точно не испортил. А ведь прекрасно осведомлен о том, что от заключения представителя Следственного комитета зависит его дальнейшая карьера. А она, судя по тому, что увидел Покровский, висела на волоске.

– И кто же пролезал? – хмыкнул Афанасий.

Евдокимов выглянул наружу и позвал:

– Капитан, подойди сюда!

Тот поспешно, выбрасывая вперед длинные конечности, устремился на зов и, согнувшись пополам, надломленным циркулем вошел в сруб.

– Что прикажете, товарищ полковник!

«А этот долговязый не столь флегматичен, как могло показаться поначалу, – посмотрел Покровский на вошедшего. – Переживаний, что плещутся в его слегка навывкате карих глазах, вполне хватило бы на весь оперативный состав колонии».

– Вот этот капитан пролез сквозь тоннель от начала и до конца, – сказал ему Евдокимов. – Егор, расскажи товарищу подполковнику, что там увидел.

– Ход узкий, примерно сантиметров семьдесят, не шире, но для человека средней комплекции это вполне преодолимо. Для двух беглецов это оптимальная ширина, но меня удивляет другое – как мог протиснуться третий беглец, осужденный Прохоров, он значительно крупнее остальных.

– В котором часу был побег? Хотя бы примерно можете сказать? – посмотрел Покровский на полковника.

– Где-то в темное время суток. Но место выхода они просчитали очень точно, с вышки его не заметить.

Присев на корточки, Афанасий посветил зажигалкой в глубину прохода. Горящий фитиль бросал рваные тени на глиняные стены узкого тоннеля, а желтый свет старался забраться как можно дальше, где и умирал, не в силах пробиться через плотную темень.

– Дальше не особенно разглядишь, – подсказал капитан. – Ход немного искривляется, уходит вниз метра на полтора, а потом идет прямо, а дальше – уже по восходящей.

– Целое интеллектуальное сооружение, я бы сказал, – пробурчал Покровский.

– Это уж точно.

– Как же ход не обвалился? Ведь не с подпорками же они его делали, в самом деле!

– Подпорки не нужны. Здесь не песок, одна глина! Вот потому и не обвалился. Хотя копается достаточно хорошо. В соседней колонии три года назад тоже побег был, так они алюминиевыми ложками рыли.

– И что, вырыли? – спросил Покровский, удивившись.

– Вырыли. Пять месяцев копали.

– А ваши чем копали? – посмотрел Покровский на начальника колонии.

– Лопатами...

– О, как! Все условия, как говорится, копай, не хочу.

– Понимаете, товарищ подполковник, здесь у нас промышленная зона, в силу необходимости приходится использовать лопаты. Что-то нужно прорыть, где-то кабель проложить, столб переставить, ограждение подправить. В общем, без лопат никак нельзя! Но по всем лопатам мы ведем самый строгий учет: все лопаты подписаны, по счету принимаем, по счету сдаем, как положено. Все они под усиленной охраной. В какой-то степени, это ведь оружие. Мы даже провели расследование, как им удалось скрыть наличие лопаты, но выяснить не удалось.

– Заключение весьма изобретательны, – хмыкнул Покровский. – Как долго они рыли тоннель?

– Предположительно около трех месяцев.

– И за это время никто даже не заглянул в этот сруб? Не поинтересовался, что там делают заключенные?

– Почему же? Заглядывали, смотрели... И не раз!

– Так в чем же тогда дело?

– Ход был завален досками, просто так его не разглядишь. Работа здесь идет в три смены, день и ночь. Сруб был закреплен за их бригадой, тут они переодевались, держали кое-какой инвентарь... И потом, в этой колонии они сидели уже не первый год, к ним все привыкли, включая охрану, успели зарекомендовать себя...

– Значит, уже своими почти стали? – съехидничал подполковник. – Как говорится, вместе работали и всей сменой сбежали!

– Никаких нарушений за ними не замечалось, так что и смысла не было усиленно наблюдать. Хозяйство здесь большое, сами видели... и без них хлопот немало. Вот три дня назад, например, драка в бараке была, троих порезали, один потом скончался в лазарете. А неделю назад один заключенный на солдата с заточкой набросился, хорошо, тот успел увернуться.

– Трудно вам здесь, как я погляжу.

– Разумеется. Здесь ведь не детский сад, а убийцы и насильники, – стараясь не замечать язвительного тона, произнес Евдокимов.

– А вы разве не знали о том, что один из убежавших склонен к побегу? На его деле «красная полоса».

Начальник колонии, нахмурившись, продолжал смотреть на Покровского, между бровей которого образовалась глубокая складочка, делавшая его несколько старше, да и посуровее, пожалуй.

– Вы говорите о Прохорове, я так понимаю? «Красная полоска» была три года назад. Впоследствии он проявил себя с лучшей стороны, нареканий у него не было, режим не нарушал, и мы решили «красную полоску» убрать.

– Когда ему дали «красную полоску»?

– Семь лет назад... Он просидел год, а потом сбежал во время перевозки с автозака. Три месяца жил в лесу. Мы уже отчаялись его поймать, но он допустил ошибку, однажды вышел в селение, чтобы купить хлеба, вот продавщица его и узнала по ориентировке.

– Значит, у него имеется опыт проживания в тайге? – угрюмо уточнил подполковник, выходя из сруба.

– Получается, что так.

– За что именно они сели?

– Они все трое из одного села. Такое тоже случается... Повесили в лесу своего рабочего. Он у родственницы Прохорова яму копал под фундамент, дом собирались строить. Возможно, убийц бы не нашли: рядом с телом была записка, дескать, повесился сам, прошу никого не винить. Но в уголовный розыск поступил звонок, что троицу видели в лесу, когда они изби-

вали этого рабочего. На них там немного надавили, вот они во всем и признались, так сказать, во всех деталях. Прохоров взял все на себя, утверждал, что сам задумал убийство, сам исполнил... Получил больший срок, пятнадцать лет. Двоим другим дали по двенадцать. Отсидели уже восемь. И все время в нашей колонии. Так что думалось, что знаем их как облупленных! А оно вон как повернулось. Но сразу хочу сказать, это дело с убийством какое-то мутное, чего-то они не договаривают. Следователи написали одно, сами они говорят о другом... Что любопытно, этот Николай Прохоров в торговом флоте служил, кажется, помощником капитана. В заграничку ходил, домой в отпуск прибыл. Рассчитывал пару недель провести, а потом куда-нибудь на юг поехать. И вот вместо теплого моря оказался на нарах. Должно было что-то серьезное произойти, чтобы вот так получилось.

– Возможно. Ладно, не будем сейчас вникать в детали, как прибудем, передадите мне их дела, попробую сам разобраться.

– Да, конечно, дела уже подготовлены. Вам их принесут. Вы всерьез думаете, что они могут уйти в тайгу?

– Даже не сомневаюсь, – с готовностью отозвался Покровский. – Народу в тайге шастает немного, в изобилии ягоды, грибы. Можно соорудить какой-нибудь шалаш и там жить. Еще в тайге немало охотничьих домиков, где они могут переждать непогоду. А когда все уляжется, постараются пробиться через полицейские кордоны.

– Мне кажется, они не ушли далеко. Затаились. В округе много деревень, дачные поселки. Их обязательно кто-нибудь увидит. Ориентировки на них висят в каждом поселке, в каждом магазине. Сообщили бы... По области введен оперативный план «Вулкан», на всех дорогах посты, проверяют каждую машину. Им просто не просочиться!

На буднях лагеря побег заключенных как будто бы не отразился, во всяком случае внешне. В промышленной зоне звучали режущие звуки пилы, слышались равномерные удары топоров. Выструганные доски трое плотников укладывали в высокие штабеля, еще четверо ставили сруб, уже шестой в ряду. Никакой суеты или нервозности, равнодушно посматривали на подошедшее начальство и без спешки ставили очередной венец. Еще один заключенный уныло помахивал метлой, собирая стружку в общую кучу. Действия отточенные, выработанные за многие годы привычной однообразной работы.

– Вы проверяли срубы? Может, в одной из этих избушек еще один тоннель роют?

– Проверяли, там все в порядке.

Со всех сторон лагерь обступал еловый лес, темный, дремучий. Затеряться в таком несложно. Тут и с дивизией вряд ли что отыщешь. Где-то далеко за сопкой, заросшей густым темным ельником, поднималась тонкая струйка дыма и, подхваченная облаками, расплзалась по всему небу, окрашивая синь в темно-серый тревожный цвет.

– А это еще что такое? – спросил Покровский, кивнув в сторону поднимающегося дыма. – Пожар, что ли?

– Вулкан Авачинский дымит, – охотно отозвался начальник колонии.

– Он всегда так курится? – удивился Афанасий, впервые увидев действующий вулкан.

– Не каждый день, конечно, но чтобы вот так сильно, может быть, раз в несколько лет.

Сквозь перистые рассеивающиеся облака Покровский рассмотрел темно-коричневую усеченную вершину вулкана. Зрелище так завораживало и притягивало, что от него трудно было отвести взгляд.

– Интересно... Не думал, что он может так выглядеть.

– Если у вас есть желание, мы можем подъехать поближе. Уверю вас, зрелище впечатляющее. Надолго запомните!

Из жерла вдруг взметнулись всполохи ярко-красного огня, кривыми молниями рассекая собравшиеся под горой тяжелые облака.

– Мне это уже говорили, когда сюда направляли. А извержения случаются?

– Здесь такое не редкость, – ответил Евдокимов и добавил: – Сейчас как раз идет извержение. Ближе подходить небезопасно. Решайтесь, товарищ подполковник! Следующая командировка в наш район может выдаться нескоро.

– Уж не угробить ли вы хотите проверяющего? Злым кажусь? – буркнул Покровский. – Так не обольщайтесь особенно, вам другого пришлют. Может, еще более свирепого.

– И в мыслях нет, – едва улынулся полковник. – Мы уже начали к вам привыкать. Я знаю наиболее безопасные тропинки, можно будет подойти едва ли не к самому жерлу. Пацаном еще туда ходил. Я ведь местный.

– И много находится желающих посмотреть вулкан Авачинский вблизи?

– Сейчас особенно много. Обычное человеческое тщеславие: всем хочется насладиться тем, чего другим не суждено. Со стороны моря крутовато будет, а вот со стороны материка в самый раз. Часов восемь подниматься. Правда, нужно пройти через горную речку Быстрицу. Но сейчас там посты ДПС и МЧС стоят, никого к вулкану не пускают. Вокруг ведь раскаленная земля, на ней можно даже обед приготовить. Но разве российский народ такими мерами остановишь? Объезжают все эти посты через дремучий лес и выходят к вулкану. Целыми семьями приезжают! Ничего не боятся! Сейчас будни – народу пока немного, а вот в выходные дни автомобилей столько, что не протолкнуться! В прошлом году забавный случай со мной произошел. Мы на рыбалку поехали, там озера есть большие, никогда не замерзают, рыбы в них много. Наловили мешка три, обратно покатили. А тут как раз мороз ударил за тридцать градусов. Такое у нас здесь не редкость. Мотор на морозе забарахлил. Что тут делать? Подъехали поближе к вулкану, палатку разбили, переждали холод, свечи почистили и обратно покатили.

– Согрелись, значит, – с интересом посмотрел Афанасий на полковника.

– Не только согрелись, но еще и до плавок разделись, чтобы жарко не было, а потом еще и уху сварили.

– Вот даже как! Как вам это удалось?

– Недели две назад, до того там выброс лавы был. Снаружи как будто бы она остывшая, черная, а внутри градусов триста! Набрали в котелок воды, поставили его на камни, так она тут же закипела. Так хотите посмотреть вблизи?

– Как-нибудь в следующий раз, – ответил Покровский. – Сколько человек ищут преступников?

– В целом около тысячи. Задействовали всех, кого смогли: полицию, солдат, егерей, немало добровольцев.

– Этого мало для такого лесного района. Кто может помочь?

– Может, МЧС? У них есть резервы.

– Хорошо. Свяжусь со своим руководством, попрошу, чтобы они как-то надавили на Шашкова. Сам я не уполномочен решать такие вопросы. Хотя, думаю, у него своих забот немало... Если своих сил не хватает, пусть соседи помогут. Должны набрать еще с тысячу. Каков радиус поисков? – Покровский вновь посмотрел на курившийся вулкан Авачинский, показавшийся ему отчего-то невероятно зловещим.

– Сто километров.

– Нужно увеличить до ста пятидесяти. Объявить, что за любую информацию о беглецах будет вознаграждение.

– Уже объявили, но пока никаких результатов. – Прозвеневший звонок бесцеремонно вклинился в разговор. – Слушаю, – поднес Евдокимов трубку к уху. Некоторое время он слушал торопливую речь абонента, доносившуюся до Покровского лишь нечеткими отголосками, потом громко отозвался: – Вот что, мы сейчас подъедем. Будьте там. – Отключив телефон, полковник посмотрел на Покровского: – Товарищ подполковник, обнаружены следы беглецов.

– Где это?

– Километрах в сорока отсюда, в поселке Боровом. Беглецов видели две девочки. Сказали, что они заходили в магазин, купили хлеба и консервы.

– Едем туда! – с готовностью отозвался Афанасий.

– Выход не желаете посмотреть?

– В следующий раз, – отмахнулся Покровский. – Теперь он от нас никуда не убежит.

Поначалу Шашков хотел позвонить Людмиле прямо с аэродрома, чтобы встречала его у порога с пирогами. Но, подумав, решил сделать ей сюрприз, заявиться неожиданно. Добравшись до дома, открыл дверь своим ключом и с удивлением обнаружил, что жены дома нет. Четырехкомнатная квартира, в которой ему так было хорошо с Люсей, вдруг сделалась невероятно огромной и какой-то, несмотря на летнюю жару, холодной и чужой. Набрал номер ее мобильного телефона, услышал, что абонент недоступен. Очень похоже на Людмилу, иногда он даже думал, для чего купил ей телефон, если большую часть времени она пропадает где-то вне зоны доступа.

На столе Степан Федорович нашел короткую записку:

«Милый Степушка, мне нужно срочно отъехать к мамуле. У нее плохое самочувствие, опять болит голова. Скоро буду, твоя Люсенька».

Смяв записку, Шашков швырнул ее в мусорную корзину. «Скоро буду» для Люси понятие относительное, она могла пропадать у своей вечно больной матушки и неделю, залечивая своим присутствием ее бесконечную мигрень.

Неожиданно в прихожей прозвенел звонок. В груди ворохнулось: «Пришла!»

Открыв дверь, Степан Федорович увидел на пороге тещу.

– Чего так невесело встречаешь, зятек? – прошла женщина в квартиру. – Или не рад?

– Проходите, Валентина Ивановна, – отстранился Шашков, пропуская женщину в прихожую.

– А где же Люсенька, чего не встречает мамулю? – обескураженно спросила теща.

Валентина Ивановна была директором школы в поселке Юрьевском, всего-то на три года его постарше, можно сказать, ровесница, однако панибратство не приветствовала, предпочитала, чтобы ее называли исключительно по имени и отчеству. Шашков не возражал и даже с пониманием принимал ее некоторый покровительственный тон.

– А она к вам поехала... Я ее сам не видел, только что с самолета. Но написала, что у вас плохое самочувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.